

Лохматый пес Тома Эдисона

Прекрасным солнечным утром два старичка сидели на скамейке парка в городе Тампа, во Флориде. Один из них упорно пытался читать книгу — как видно, она ему очень нравилась, — а другой, по имени Харольд К. Баллард, рассказывал ему историю своей жизни хорошо поставленным, звучным и отчетливым голосом, словно вещал через громкоговоритель. Под скамейкой растянулся огромный ньюфаундленд Балларда, который усугублял мучения молчаливого слушателя тем, что тыкался ему в ноги большим мокрым носом.

Перед тем как уйти на покой, Баллард преуспел во многих областях, и ему было приятно вспоминать столь содержательное прошлое. Но он столкнулся с проблемой, которая так осложняет жизнь каннибалов, а именно: с невозможностью использовать одну и ту же жертву несколько раз кряду. Стоило кому-нибудь провести некоторое время в обществе Балларда и его пса, и бедняга уж больше никогда не садился с ним на одну скамейку.

Потому-то Баллард и его пес ежедневно отправлялись в парк на поиски новых жертв. В то утро им повезло — они сразу же наткнулись на этого незнакомца. Видно было, что он только что прибыл во Флориду.

— Да-а, — произнес Баллард примерно через час, подводя итог первой части своего повествования, — за свою жизнь я успел пять раз сколотить и потерять состояние.

— Это я уже слышал, — ответил незнакомец, имени которого Баллард так и не спросил. — Эй, потише, приятель, фу, фу, фу, слышишь? — сказал он псу, который все настойчивее добирался до его щиколоток.

— Два состояния на недвижимости, два — на железном ломе, одно — на нефти и еще одно — на овощах.

— Охотно верю, — кивнул незнакомец. — Простите, пожалуйста, вы не могли бы куда-нибудь убрать своего песика? Он все время...

— Он-то? — благодушно кивнул Баллард. — Добрейшее существо в мире. Можете не бояться.

— Да я и не боюсь. Просто у меня лопнет терпение, если он будет вот так принюхиваться к моим ногам.

— Пластик, — сказал Баллард и хихикнул.

— Что?

— Пластик. У вас там есть что-то пластмассовое, на подвязках. Сам не знаю, в чем тут загвоздка, а только он разнюхает эту пластмассу где угодно — отыщет мельчайшую

Курт Воннегут

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

— Неплохо сказано, совсем неплохо, — добродушно заметил Баллард. Внезапно он хлопнул незнакомца по коленке. — Эй, а вы сами-то, случайно, не занимаетесь пластиками? Я тут, понимаете, разболтался о пластиках, и вдруг выходит, что это ваше прямое дело!

— Мое дело? — медленно произнес незнакомец, откладывая книгу. — Простите, я никогда не занимался делом. Я стал бездельником с девяти лет, с тех самых пор, как Эдисон устроил лабораторию в соседнем доме и показал мне анализатор интеллекта.

— Эдисон? — удивился Баллард. — Томас Эдисон, изобретатель?

— Можете считать его изобретателем, если угодно, — вяло подтвердил незнакомец.

— То есть как это «если угодно»? Только так и не иначе! Он же отец электрической лампочки и Бог знает чего еще!

— Можете считать, что он изобрел электрическую лампочку, раз вам так нравится. Это никому не повредит. — И незнакомец снова уткнулся в книгу.

— Эй, послушайте, вы меня разыгрываете, что ли? Какой это еще анализатор интеллекта? В жизни о таком не слышал.

— Еще бы! Мы с мистером Эдисоном поклялись держать все в тайне.

— А этот самый... ну, анализатор интеллекта?.. Эдисон, он что, анализировал интеллект?

— Нет, масло сбивал, — хохотнул незнакомец.

— Ну послушайте, давайте серьезно! — сказал Баллард.

— Да?.. А не лучше ли и вправду поделиться с кем-нибудь? — вдруг вскинул голову незнакомец. — Тяжко носить в памяти тайну, молчать без конца, год за годом. Но могу ли я быть уверен, что она останется между нами?

— Слово джентльмена, — торопливо заверил Баллард.

— Да, крепче слова, пожалуй, не сыщешь, — задумчиво проговорил незнакомец.

— И не ищите. Полная гарантия, чтоб мне помереть на этом месте!

— Прекрасно. — Незнакомец откинулся на спинку скамейки и прикрыл глаза, словно отправляясь в далекое путешествие во времени. Он безмолвствовал целую минуту, и Баллард почтительно ждал. — Это было давно, осенью тысяча восемьсот девяносто седьмого года, в поселке Мэнло-Парк, в Нью-Джерси. Я был тогда девятилетним мальчишкой. Некий молодой человек — все считали, что он колдун, не иначе, — устроил лабораторию в соседнем доме. Оттуда доносились то взрывы, то вспышки — вообще там творилось что-то неладное. Я не сразу познакомился с самим Эдисоном, а вот его пес Спарки стал моим неразлучным спутником. Он был очень похож на вашего пса, этот Спарки, и мы с ним частенько носились друг за другом по всем дворам. Да, сэр, ваш пес — вылитый Спарки.

— Да что вы говорите! — Баллард был польщен.

крошку. Витаминов ему не хватает, что ли, хотя, ей-богу, питается он получше меня. Однажды слопал пластмассовую плевательницу — целиком.

Пес наконец-то обнаружил пластмассовые пуговицы на подвязках соседа Балларда и, просовывая голову то справа, то слева, примеривался, как бы получше достичь цели.

— Прошу прощения, — вежливо сказал незнакомец. Он захопнул книгу и встал, отдернув ногу от собачьей пасти. — Мне уже пора. Всего хорошего, сэр.

Он побрел по парку, отыскал другую скамейку, опустил на нее и вновь принялся за чтение. Дыхание его только-только успокоилось, как вдруг собачий нос, мокрый, как губка, снова уткнулся ему в ноги.

— А, так это вы? — сказал Баллард, усаживаясь рядом. — Это он вас выследил. Вижу, взял след — ну, думаю, пускай себе идет, куда хочет. Да, так что же я вам говорил насчет пластика? — И с довольным видом огляделся. — Правильно сделали, что перешли сюда. Там было душновато. Ни тебе тени, ни ветерка.

— А может, он уберется, если я куплю ему плевательницу? — спросил незнакомец.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

— Святая правда, — ответил незнакомец. — Так вот, однажды мы со Спарки возились во дворе и вдруг очутились у самой двери эдисоновской лаборатории. Не успел я опомниться, как Спарки турнул меня прямо в дверь, и — бам! — я уже сижу на полу лаборатории, уставившись прямо на мистера Эдисона.

— Вот уж он разозлился, это точно! — сказал Баллард, просяив.

— Я перепугался до полусмерти — вот это уж точно. Подумал, что попал в пасть к самому сатане. У него за ушами торчали какие-то проволочки, а спускались они к ящичку, что был у него на коленях! Я было рванул к двери, но он изловил меня за шиворот и усадил на стул.

«Мальчик, — сказал Эдисон. — Тьма гуще всего перед рассветом. Запомни это хорошенько».

«Да, сэр», — еле выговорил я.

«Вот уже больше года, — поведал мне Эдисон, — я ищущую нить для лампочки накаливания. Волосы, струны, стружки — чего я только не перепробовал, и все впустую. Пытался думать о другом, решил заняться еще одной штукой — просто чтобы стравить пар. Собрал вот это, — и он показал на небольшой черный ящичек. — Мне пришло в голову, что интеллект — всего лишь особый вид электричества, вот я и сделал этот анализатор интеллекта. И представляешь — действует! Ты первый это узнаешь, мой мальчик... А почему бы тебе не быть первым? В конце концов, именно твое поколение увидит грандиозную новую эпоху, когда людей можно будет сортировать проще, чем апельсины».

— Что-то не верится, — сказал Баллард.

— Разрази меня гром! — воскликнул незнакомец. — Прибор-то работал. Эдисон испытал его на своих коллегах, только не сказал им, что тут к чему. И чем умнее был человек — клянься чество! — тем стрелка на шкале маленького черного ящичка все больше отклонялась вправо... В общем, я разрешил ему попробовать прибор на себе. Стрелка не сдвинулась с места, только задрожала. Но именно в тот момент мне, глупому, в первый и единственный раз в жизни удалось послужить человечеству. Как я уже говорил, с тех пор я пальцем о палец не ударил.

— Что же вы сделали? — взволнованно спросил Баллард.

— Я сказал: «Мистер Эдисон, сэр, а что, если попробовать его на собаке?»

Хотел бы я, чтобы вы своими глазами увидели, какое представление закатил пес, как только я это сказал! Старина Спарки залаял, завыл и стал царапать в дверь, чтобы выбраться вон. Когда же он смекнул, что мы не шутим и что выбраться ему не удастся, он, как коршун, бросился прямо к анализатору интеллекта и вышиб его из рук Эдисона. Но мы загнали Спарки в угол, и Эдисон прижал пса крепче, пока я присоединял проволочки к его ушам. И вот — хотите верьте, хотите нет — стрелка прошла через всю шкалу, далеко за деление, отмеченное красным карандашом!

«Мистер Эдисон, сэр, — говорю я, — а что значит вон та красная черточка?»

«Мой мальчик, — говорит Эдисон, — это значит, что прибор вышел из строя, потому что красная черточка — это я сам».

— Я так и знал, что прибор разбился! — сказал Баллард.

— Нет, прибор был целехонек. Да, сэр, Эдисон проверил его: все точно, как в аптеке. Когда он сказал мне об этом, Спарки понял, что деваться ему некуда, струсил и выдал себя с головой.

— Это как же? — недоверчиво спросил Баллард.

— Понимаете, мы же были заперты накрепко, изнутри. На дверях три запора: крючок с петлей, задвижка и обычный замок с ручкой. Так вот: пес вскочил, сбросил крючок, отодвинул задвижку и уже вцепился зубами в ручку, когда Эдисон его наконец схватил.

— Да что вы? — изумился Баллард.

— Именно! Так-так, сказал Эдисон своему псу. Лучший друг человека, а? Бессловесное животное, а?

Но этот Спарки был настоящим конспиратором. Он принялся чесаться, выкусывать блох, рычать на крысиные норы — только бы не встретиться глазами с Эдисоном.

«Очень мило, а, Спарки? — сказал Эдисон. — Пускай другие лезут вон из кожи, добывают пищу, строят жилье, топчут, убирают, а у тебя только и дел, что валяться перед камином, гонять за сучками да лезть в драку с кобелями. Ни тебе закладных, ни политики, ни войны, ни работы, ни заботы. Стоит только помахать верным старым хвостом или руку лизнуть — и твоя жизнь обеспечена».

«Мистер Эдисон, — говорю, — вы что, хотите сказать, что собаки перехитрили людей?»

«Перехитрили? Облапошили — и я об этом заявлю на весь мир! А я-то, чем я занимался целый год? Выкладывался, как раб, до последнего, лампочку изобретал... и зачем — чтоб собакам было удобнее играть по вечерам?»

«Послушайте, мистер Эдисон, — вдруг говорит Спарки...»

— Хватит! — завопил Баллард.

— Молчать! — крикнул незнакомец. И продолжил: «Слушайте, мистер Эдисон, — сказал Спарки, — почему бы нам не договориться? Давайте сохраним это дело в тайне — ведь уже не одну сотню тысяч лет все идет хорошо и все довольны. Зачем, как говорится, будить спящих псов? Вы обо всем забудете и уничтожите анализатор интеллекта, а я вам за это скажу, какую нить использовать в вашей лампочке».

— Чушь собачья! — сказал Баллард, багровея.

Незнакомец встал:

— Даю вам честное слово джентльмена. Ведь этот пес и меня вознаграждал за молчание: он подсказал мне биржевую операцию и обеспечил богатством и независимостью на всю мою жизнь. Последние слова, которые произнес Спарки, были обращены к Тому Эдисону. «Попробуйте взять кусок обугленной хлопковой нити», — сказал он. А через несколько минут его растерзала на клочки стая собак, которые собрались у дверей — подслушивали.

Незнакомец снял свои подвязки и протянул их собаке Балларда:

— Вот, сэр, небольшой сувенир в знак уважения к вашему предку, которого сгубила неумеренная болтливость. Всего хорошего.

Он сунул книгу под мышку и пошел прочь.

Перевод с английского
М.Н.Ковалевой